

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 821.161'01"5" DOI 10.25986/IRI.2022.87.1.014

Л. И. Журова

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия. zhurovansk@mail.ru

ОБ ИЗДАНИЯХ СОЧИНЕНИЙ МАКСИМА ГРЕКА

(«Максим Грек. Непрочитанное» / [Пер. с церковнослав., предисл. и коммент. И. М. Грицевской; пер. с греч. Д. М. Буланина и Б. А. Фонкича]; Под ред. Д. М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. – 228 с.)

Публикация переводов сочинений Максима Грека – событие редкое и долгожданное. Вышедший сборник пополняет состав литературного наследия, доступного широкому кругу читателей. Тексты древнерусского писателя на современном русском языке в представленном сборнике эквивалентны оригиналам. Особый интерес вызывают статьи составителей сборника, сопровождающие издание. В них поставлены актуальные вопросы, волнующие сегодня науку о Максиме Греке и требующие обсуждения, в первую очередь, планов и принципов издания трудов средневекового публициста.

Ключевые слова: Максим Грек, издание, перевод, собрание сочинений, книжная традиция

Борьба за творческое наследие Максима Грека в наше время заметно активизировалась, и потому так важны публикации его трудов. Два тома научного издания сочинений публициста XVI в., подготовленные под редакцией Н. В. Сеницыной и при ее непосредственном участии, – крупное событие в науке о Максиме Греке [Преподобный Максим Грек (далее – ПМГ), 2008; 2014]¹.

Вышедшая книга переводов – «Максим Грек. Непрочитанное» – привлекает внимание названием. Оно манит неизвестностью, тайной, обещанием открытия новых смыслов. Настраивает на знакомство с неопубликованными сочинениями средневекового писателя. Но, уже просматривая оглавление², понимаешь, что тайны нет. Неопубликованных (потому и непрочитанных), извлеченных из рукописей сочинений всего 9 из 49. Многие из них изданы, переизданы, прочитаны, некоторые переведены. И хочется разгадать замысел составителей сборника.

«Издание, – пишет в «послесловии» Д. М. Буланин, – претендует быть дополнительным по отношению к казанскому трехтомнику и переводам, подготовленным послушником Моисеем» (С. 276). Безусловно, предложенная публикация восполняет отчасти список не переведенных на современный русский язык сочинений писателя и обеспечивает широкому кругу читателей

¹ В настоящее время в Институте истории СО РАН ведется подготовка издания третьего тома сочинений Максима Грека.

² В оглавлении перепутаны инициалы уважаемого Б. А. Фонкича.

доступность к текстам средневекового богослова, о трудностях восприятия речи которого исследователи писали давно, отмечая ее «греко-латино-славянский склад» (митрополит Макарий (Булгаков), А. Л. Синайский).

Редактор сборника задается вопросами о значимости текстов, публикуемых в «Непрочитанном»: «Что это: какие-то творения более низкого качества, сравнительно с вошедшими в трехтомник? Или еще: какие свойства, кроме отрицательного признака (отсутствия в трехтомном собрании) объединяют эти творения? Сколько еще иных трудов прославленного старца осталось вообще за пределами изданного корпуса?» (С. 269). Сочинения, представленные в настоящем издании, – это тексты предположительно из авторского архива, и в них личность писателя, справедливо считает Д. М. Буланин, проявлена более непосредственно, чем в главах систематизированных прижизненных сводов.

Переводы распределены по трем разделам: письма итальянского периода жизни Михаила Триволиса (мирское имя Максима Грека); сочинения ватопедского монаха Максима, созданные в Московской Руси, и краткие сведения о жизни Святогорца, извлеченные из сказаний о Максиме Греке. Биографические материалы (первый и третий разделы) образуют своеобразную рамку для публикуемых трудов писателя. Такой установкой, наверное, можно объяснить, почему в издание не вошли переводы ранних поэтических опытов молодого грека в Италии. Другим обрамлением текстов инока служат статьи составителей сборника, объединенные установкой на описание феномена Максима Грека в истории средневековой книжной культуры: «Предисловие» (И. М. Грицевская) и «Максим Грек: лики творчества (вместо послесловия)» (Д. М. Буланин).

В предисловии Максим Грек назван монументальной фигурой, мудрецом, витией, великим учителем, святым. Подобные высокие измерения трудно будет оправдать предложенной публикацией довольно ограниченного ряда сочинений, если не представить массовому читателю, на которого рассчитано издание, кодификацию его творчества. Панегирические характеристики автора сложились уже после ухода писателя. К сожалению, при жизни инок Максим не слышал достаточно похвал, но сам себя ценил высоко: «Слава Богу, давшему грешному мне сицеву силу словесную», писал он в «Сказании о соблюдении Символа веры».

Во вступительной статье сборника кратко описаны основные этапы жизни Максима Грека, но в нее закрались неточности, которые могут ввести читателя (профанного) в заблуждение. Так, Максим Грек назван деятелем эпохи Возрождения. Н. В. Синицына доказала, что Максим Грек, отдавая дань гуманизму и аскетизму, не принял полностью ни одно из этих направлений, и «служба гуманизму», о которой писал Денисов, состояла в его роли греческого писца-профессионала, а также участника книгоиздательской деятельности Альда Мануция» [ПМГ, 2008, с. 25].

Неоправданно также утверждение о «тихой жизни Максима в монастыре» (Ватопедском). В послании митрополиту Макарию в 1546 г. Святогорец писал о своей активной миссионерской деятельности в домосковский период. И отношения Максима с афонской братией, похоже, не были безоблачными.

Предисловию недостает цельной, хотя бы краткой, характеристики трудов Максима Грека, чтобы читатель мог представить среди них место публикуемых сочинений. Трудно найти фокус, в котором они рассмотрены. И. М. Грицевской упомянуты некоторые (самые узнаваемые) темы сочинений Максима Грека: о нестяжании, против астрологии, но не объяснены связи публикуемых текстов, например Слов против астрологии, с большим циклом сочинений на звездочетцев [Журова, 2020]. Приведенная обширная цитата из речи Дж. Пико дела Мирандола (С. 10) могла быть скоррелирована с третьим Словом Максима Грека против астрологии (опубликовано под № 18), что позволило бы объяснить целесообразность ее (цитаты) в контексте.

В историографическом списке, к сожалению, нет имен известных исследователей XX в.: В. Ф. Ржиги, Н. А. Казаковой, А. И. Клибанова, Л. С. Ковтун, А. Т. Шашкова – и зарубежных ученых (например, Х. Олмстеда), работы которых стали знаковыми в максимогрековедении. Досадны мелкие ошибки, допущенные в предисловии, например, указание на то, что митрополит Макарий (1542–1563) взошел на престол после Даниила (1522–1539), что в Троице-Сергиевом монастыре покоится прах старца, что черты православного обряда были отвергнуты Московским собором 1667 г., «с чего и начался раскол Русской церкви» (С. 13)³. Но в целом предисловие выполняет свое предназначение – подготовить читателя к восприятию сочинений Максима Грека.

Статья Д. М. Буланина «Максим Грек: лики творчества (вместо послесловия)» может быть рассмотрена как производный текст от его же исследования – «Максим Грек: греческий писатель или московский книжник?» [Буланин, 2017]. В ней повторены многие принципиально важные положения предыдущей работы, и появляется возможность откликнуться (отчасти) на оба высказывания авторитетного петербургского ученого.

Рассуждения Д. М. Буланина «о соотношении византийской и древнерусской составляющей в творчестве Максима Грека» [Буланин, 2017, с. 89] открывают перспективы исследований. Импонирует тактичность и тактика ведения дискуссии – выдержать объективность, непредвзятость в оценке судьбы и творчества Святогорца: «В мои задачи, – пишет Д. М. Буланин, – не входит ни умалять, ни возвеличивать Максима Грека, но ставшее теперь эталоном изображение его невинным страдальцем... явно упрощает подлинный, много более сложный баланс сил» [Буланин, 2017, с. 91]. В «послесловии» (2021) снова поставлен вопрос: чем обусловлено противостояние Максима Грека и московских властей (церковных и светских). Ответ логично выстроен в виде концепта: «конфликт двух культур с разной системой ценностей», византийской, основанной на авторитете греческой церкви, и московской, с идеологией священного царства, стал причиной драматической судьбы афонского монаха в России (С. 267).

В науке иногда Максиму Греку незаслуженно приписаны лавры первенства. Так, сейчас доказано, что Максим Грек не оказал никакого влияния на творчество старца Артемия, что он не был основным критиком лютеранского учения в России, что не он внедрил в практику построения речи русских проповедников иерархию цитации священных текстов, что не он первым «пустил в оборот» термины «стяжательство» и «нестяжательство» и что все-таки не его кодексы являются первым в России опытом составления собрания авторских сочинений. И надо признать, что Максиму Греку очень повезло с читателем в России.

Д. М. Буланиным задан еще один вопрос (интригующий): «Максим Грек: греческий писатель или московский книжник»? Он спровоцирован последними открытиями «греческого наследия» Максима Грека в России, позволившими американскому слависту оценить творчество Максима Грека в России всего лишь как «славянское литературное одеяние» [Шевченко, с. 52]. Ответа на заявленный вопрос, считает Д. М. Буланин, в принципе не существует, и «единственный доступный способ для поисков на него: знание самих писаний афонского старца» (С. 268). Последним и обусловлено предлагаемое издание «Непрочитанного». Трудно с этим спорить. На Руси Максим Грек, конечно, сочинял на своем родном языке, что доказано удачными находками Х. М. Лопарева, П. Бушковича. Но бесспорно и многолетнее творчество Святогорца на церковнославянском языке. Его переводы собственных сочинений и обширный репертуар трудов, созданных на русской земле и для русского читателя, представляют

³ Считается (не существует бесспорных доказательств), что первые послабления в заточении Максима Грека связаны с недолгой деятельностью митрополита Иоасафа (1539–1542), сменившего Даниила и свои последние годы проведенного в Троице-Сергиевом монастыре вместе с Максимом. В 1996 г. были обретены мощи преподобного Максима, и сейчас они находятся в Трапезной церкви Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Собор 1666–1667 гг. известен как суд над патриархом Никоном, церковная реформа и раскол начались, как известно, в 50-е гг. XVII в.

литературный феномен, не позволяющий, по-моему, номинировать автора скромным званием московского книжника. Скрытый (еще не открытый) греческий писатель, «элладец» Михаил/Максим и известный публицист Московской Руси, «гипербореец» Максим Грек должны в современной науке «выяснить отношения». В силу естественных процессов в творчестве Максима Грека произошла ассимиляция культур, и, видимо, нужно говорить о гибридной ментальности нашего героя. Благодаря двухсотлетним изысканиям отечественных исследователей в книгохранилищах России открыто, собрано и изучено обширное рукописное наследие Святогорца. Именование Максима Грека только книжником, на мой взгляд, умаляет заслуги отечественной историко-филологической науки. Надеемся на успехи поисков зарубежных коллег в книжных собраниях Афона трудов Максима. Обнаружение греческих рукописей послужило бы бесспорным доказательством писательской деятельности монаха Ватопедской обители в домосковский период.

В характеристике авторских кодексов Святогорца, построенных на апологетических задачах, Д. М. Буланин опирается на известную концепцию Н. В. Сеницыной о поэтапном их складывании [Сеницына, 1977, с. 161–175]. Но приходится отметить, что проигнорирован неожиданный отказ московского ученого от собственной теории: «Вопрос о взаимоотношениях прижизненных собраний... – заключила Н. В. Сеницына, – отходит на второй план... Изложенные наблюдения отличаются от предварительных выводов, предложенных мною более 30 лет назад, в 1977 г., на основе макротекстологии, и от выводов Л. И. Журовой на основе традиционной текстологии» [ПМГ, 2014, с. 45]. Это последнее слово самого авторитетного специалиста в изучении творчества Максима Грека. Можно ли считать, что в максимогрековедении наступил кризис? Защищать ли концепцию от самого автора? (Такая попытка сделана: [Журова, 2019].) Но, скорее всего, необходимо ревизировать достигнутые результаты и двигаться дальше. И вначале хотелось бы восстановить потери. Так, досадно наблюдать, как в списке литературы [Буланин, 2017, с. 97] исчезло имя ученого, открывшего, исследовавшего и опубликовавшего памятник, имеющий мировое признание, – «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». Это имя Н. Н. Покровского.

О заключении Н. В. Сеницыной Д. М. Буланин косвенно высказался в другой статье (««Полное собрание сочинений» Максима Грека. Начало работы и план ее завершения»), не признав архетипичность «недавно попавшей в поле зрения ученых» Парижской рукописи (Paris. Man. Slave. 123) [Буланин, 2019]. Исследователь дал позитивную оценку вышедшим двум томам ПМГ, справедливо отметил их недостатки, поставил ряд новых вопросов и предложил свой план издания сочинений Максима Грека, ориентируясь на опыт публикации литературы Нового времени. В полное собрание трудов публициста должно войти, кроме оригинальных сочинений, издание всех переводов Святогорца. В связи с этим оптимистично звучит заявление в статье «Максим Грек: лики творчества»: «Нужно признать, что серьезной разработки всего корпуса переводов афонского старца не существует. Тем не менее есть надежды увидеть их в ближайшее время в печати (курсив мой. – Л. Ж.)» (С. 276). Это хорошая новость. Интересны два стратегических тезиса, сформулированных Д. М. Буланиным, в установлении авторства текста афонского старца [Буланин, 2019, с. 125], но они, по-моему, как-то не согласуются с принципами издания новой литературы.

Совершенно справедливо поставлен вопрос о комментировании сочинений Максима Грека, и необходимо согласиться, что отсутствие толкований реалий в двух изданных томах – «ощутимый пробел» [Буланин, 2019, с. 131]. Предложение Д. М. Буланина – посвятить третий том комментариям – кажется преждевременным. Ближайшая цель – закончить проект издания сочинений Максима Грека, составленный Н. В. Сеницыной [Сеницына, 1993–1994], то есть

подготовить третий том – «Преподобный Максим Грек. Сочинения». Это будет завершением намеченного Н. В. Сеницыной пути и достойной памятью о всемирно признанном ученом. После публикации всех оригинальных текстов писателя можно будет обсуждать планы о «доработках» проекта. Как показала практика, рукописное наследие Максима Грека измеряется числами меньше заявленных («свыше 100 п. л. современного текста» [Сеницына, 1993–1994, с. 93]). Так, в двух вышедших томах объем сочинений писателя составляет 45 п. л., в готовящемся третьем томе предполагается собрать примерно 20 п. л. Расчет Н. В. Сеницыной на шесть томов оказался ошибочным. Но предложенный Д. М. Буланиным план публикации переводческих трудов Максима Грека позволит представить реальные масштабы творчества средневекового писателя в России.

Теперь о главном – о переводах «Непрочитанного».

Выбор греческих писем для переиздания, видимо, можно объяснить желанием познакомить широкий круг читателей с молодым Михаилом Триволисом. Эпистолярное наследие, эго-документы, сохранило бесценные данные о жизни в Италии молодого грека, ищущего свой фарватер в «жителейском море» и нечуждого, впрочем, поиска хорошего заработка. Атрибуция принадлежит И. Денисову, уточнена Н. В. Сеницыной и Б. Л. Фонкичем. Письма издавались не раз [Клибанов, 1996, с. 349–352; ПМГ, 2008, с. 86–101⁴], поэтому их сложно отнести к «непрочитанному». Основная тема эпистолярного наследия Михаила Триволиса – дружба и дружба. Филофронетическим мотивам Максим Грек остался верен и в России.

Другие сведения биографического содержания помещены в третьем разделе настоящей книги: «Сказания и свидетельства о Максиме Греке». Они извлечены из «Сказаний о преподобном Максиме Греке» [Сеницына, 2009]. Выбранные для перевода фрагменты рисуют портрет писателя, составленный его современниками, сотрудниками и почитателями его таланта. Эти характеристики бесценны, поскольку являются достоверными источниками знаний о филологических дарованиях Максима Грека, которые сегодня стали особым предметом исследований в мировой науке. Но сказания о Максиме Греке, созданные в последней четверти XVI в. и 30-е гг. XVII в., содержат сомнительные данные о жизни афонского монаха в России, и потому материалы, помещенные в «Непрочитанное», надо было бы сопроводить специальными комментариями, чтобы не дезориентировать читателя.

Основная часть переводов в настоящем сборнике выполнена И. М. Грицевской и составлена из сочинений, сохранившихся в рукописных сборниках смешанного состава, в том числе и знаменитом Румянцевском. Издателю удалось создать современные тексты, эквивалентные по содержанию средневековому авторскому. Они точны по смыслу, полны по содержанию и выразительны по форме. Видно очень бережное отношение переводчика к каждому слову автора, стремление сохранить образность выражений, их интонацию, и умело переданы сложные (по своей греко-латинской природе) синтаксические конструкции письменной речи публициста. Каждое сочинение сопровождается краткими сведениями о его истории, исследованиях, источниках переводов, ссылками на атрибуцию и датировку. Особой похвалы заслуживают комментарии. Они дают пояснения к библейским сюжетам и текстам святых отцов, ведению православного богослужения и особенностям афонского обряда, в них приведены исторические справки, толкования терминов и отдельных чтений.

Большим достоинством издания следует признать точные ссылки на библейские книги. И. М. Грицевская по необходимости обращалась к Септуагинте, служившей источником для Максима Грека. Несмотря на то что в ранее опубликованных сочинениях цитаты установлены,

⁴ Переводы выполнены К. В. Хвостовой, отредактированы Б. Л. Фонкичем [ПМГ, 2008, с. 83].

в настоящей работе уточнены их границы, отмечены аллюзии и реминисценции, хотя несколько цитат (С. 119) остались неузнанными.

Переиздание в настоящем сборнике поэтических переводов Д. М. Буланина («Слово о покаянии» и «Слово обличительное на эллинские заблуждения»), греческие оригиналы которых были обнаружены П. Бушковичем и уже стали заметным событием в науке о Максиме Греке [Максим Грек], безусловно, украшает его состав и представляет личность публициста в новой для современного русского читателя ипостаси. Переводы Д. М. Буланина демонстрируют поэтический талант не только автора, но и переводчика. Но недостает характеристики этих сочинений, например, такой, какая дана в статье [Буланин, 2017, с. 93].

Комментарии во многом оправдывают название сборника «Непрочитанное», поскольку позволяют проникнуть в смысл авторского текста. Категория смысла – это то, что восстанавливается читателем в результате понимания (по Л. С. Выготскому).

Основной критерий отбора произведений, заявленный в настоящем издании, – отсутствие их в казанском трехтомнике – выдержан не полностью, поскольку за пределами настоящего сборника остался еще ряд сочинений, например, той же Румянцевской рукописи: «Сказание о рукописании грехов», «Послание госпоже о разрешении поста», «Слово об исполнении обетов» и др. Допущены небольшие пропуски в переводах, например, в «Послании о нестяжательности афонских монастырей» (С. 56, 58).

Не очень понятна логика в выстраивании порядка статей в настоящем издании, и в предисловии она не оговорена. Просматривается формирование циклов: об устройстве монастырей (№ 2–4), о звездочетцах (№ 16–19), послания утешительные (№ 28–35), но большинство текстов идет вразнобой. Например, три послания В. М. Тучкову-Морозову, опубликованные как цикл в первом томе издания Н. В. Сеницыной [ПМГ, 2008, с. 345–350], размещены в разных местах настоящей книги (№ 7, 27, 39). Послание Ивану IV, находящееся в конце Румянцевского сборника, написанное иноком в последние годы жизни, присоединено к раннему посланию Василию III о нашествии крымского хана Магмед-Гирея. Другое послание Ивану IV (о небритии бороды), атрибуция которого сомнительна, присоединено к сочинениям, востребованным старообрядцами («Сказанию о крестном знамени»). Таким образом, ни хронологический, ни жанровый, ни тематический, ни адресный критерии не подходят к архитектонике настоящего сборника. Может быть, стоило поместить вместе переводы научных публикаций Х. М. Лопарева, В. Ф. Ржиги, Д. М. Буланина и др., затем сочинения из ПМГ, а в конец списка включить неизданные тексты из Румянцевской рукописи. Смешением источников завуалировано толкование названия – «Непрочитанное». Может быть, в этом замысел составителей сборника?

Хочется надеяться, что одобрительный отзыв, как писал послушник Моисей, подаст переводчику мысль – «продолжить свой труд в надежде и самому получить некоторую душевную пользу» [Сочинения, с. II].

Литература

Буланин Д. М. Максим Грек: Греческий писатель или московский книжник? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 85–98.

Буланин Д. М. «Полное собрание сочинений» Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // *Studi Slavistici*. 2019. Т. 16. № 2. С. 119–137.

Журова Л. И. К вопросу об истории текста Нижегородско-Парижского собрания сочинений Максима Грека (Paris, Man. Slave № 123) // *Studi Slavistici*. 2019. Т. 16. № 2. С. 241–260.

Журова Л. И. Антиастрологический дискурс Максима Грека и вопросы формирования авторского кодекса писателя // *Критика и семиотика*. 2020. № 1. С. 236–248.

Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 349–352.

- Максим Грек. «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д. М. Буланина) // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 47. С. 229–240.
- Преподобный Максим Грек. Сочинения / Отв. редактор Н. В. Синецкая. М., 2008. Т. 1. 568 с.
- Преподобный Максим Грек. Сочинения / Отв. редактор Н. В. Синецкая. М., 2014. Т. 2. 432 с.
- Синецкая Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
- Синецкая Н. В. Проект издания сочинений Максима Грека // Offprint from *Cyrrilomethodianum XVII–XVIII*. Thessalonique, 1993–1994. С. 93–141.
- Синецкая Н. В. Сказания о Максиме Греке. М., 2009. 136 с.
- Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе / [Предисл.: послушник Моисей]. Сергиев Посад, 1910. Ч. 1. IV, 287, III, [3] с., [1] л. портр.
- Шевченко И. О греческой поэтической продукции Максима Грека // Славяноведение. 1998. № 3. С. 46–52.

References

- Bulanin, D. M. Maksim Grek: Grecheskii pisatel' ili moskovskii knizhnik? [Maxim the Greek: Was He a Greek Litterateur or an Expert in Muscovite Writings?]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 2 (22). Pp. 85–98.
- Bulanin, D. M. "Polnoe sobranie sochinenii" Maksima Greka. Nachalo raboty i plan ee zaversheniya ["The Complete Works" of Maximus the Greek. The Beginning of Work and Plan for Its Completion]. In *Studi Slavistici*. 2019. Vol. 16. No. 2. Pp. 119–137.
- Klibanov, A. I. Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi [Spiritual Culture of Medieval Russia]. Moscow, 1996. Pp. 349–352.
- Maksim Grek. "Slovo o pokayanii" i "Slovo oblichitel'no na ellinskuyu prelest'" (perevod D. M. Bulanina) [Maximus the Greek. "Word on Repentance" and "Accusatory Word on Hellenic Prelest" (Transl. by D. Bulanin)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 1993. Vol. 47. Pp. 229–240.
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Venerable Maximus the Greek. Writings]. Ed. by N. V. Sinitsyna. Moscow, 2008. Vol. 1. 568 p.
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Venerable Maximus the Greek. Writings]. Ed. by N. V. Sinitsyna. Moscow, 2014. Vol. 2. 432 p.
- Shevchenko, I. O grecheskoi poeticheskoi produktsii Maksima Greka [On Greek Poetic Work of Maximus the Greek]. In *Slavyanovedenie*. 1998. No. 3. Pp. 46–52.
- Sinitsyna, N. V. Maksim Grek v Rossii [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, 1977. 332 p.
- Sinitsyna, N. V. Proekt izdaniya sochinenii Maksima Greka [Project of Publishing Maximus the Greek's Works]. In *Offprint from Cyrrilomethodianum XVII–XVIII*. Thessalonique, 1993–1994. Pp. 93–141.
- Sinitsyna, N. V. Skazaniya o Maksime Greke [Legends of Maximus the Greek]. Moscow, 2009. 136 p.
- Sochineniya prepodobnago Maksima Greka v russkom perevode / [Фнnotated by novitiatе Moses]. Sergiev Posad, 1910. Part 1. IV, 287, III, [3] p., [1] l. of portr.
- Zhurova, L. I. K voprosu ob istorii teksta Nizhegorodsko-Parizhskogo sobraniya sochinenii Maksima Greka (Paris, Man. Slave No. 123) [On the Textual History of Maximus the Greek's Collected Works (Paris, Man. Slave No. 123)]. In *Studi Slavistici*. 2019. Vol. 16. No. 2. Pp. 241–260.
- Zhurova, L. I. Antiastrologicheskii diskurs Maksima Greka i voprosy formirovaniya avtorskogo kodeksa pisatelya [The Anti-astrological Discourse of Maximus the Greek and Formation of Author's Code in his Writings]. In *Kritika i semiotika*. 2020. No. 1. Pp. 236–248.

Ludmila I. Zhurova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

On the publications of Maximus the Greek's works

Any publication of a translation of Maximus the Greek's works is always rare and long awaited. The published collection contributes to the literature heritage accessible to a wide circle of readers. The texts of the Old Russian writer translated to the modern Russian language are equivalent to the original ones. The compilers' articles included into the publication are of particular interest. They raise topical issues which are currently of great importance to the scholarship of Maximus the Greek and demand discussion; those are primarily plans and principles of publishing the works of the medieval public writer. Keywords: Maximus the Greek, publishing, translation, a collection of works, literary tradition

